

Р О М А Н Ы

РОБЕРТА СОЙЕРА

Оппенгеймер. Альтернатива

Старплекс

Блюз Красной планеты

Мнемоскан

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ПАРАЛЛАКС

Гоминиды

Люди

Гибриды

Robert J. Sawyer

**RED
PLANET BLUES**

Роберт Сойер

**Б Л Ю З
К Р А С Н О Й П Л А Н Е Т Ы**

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
С58

Robert J. Sawyer
RED PLANET BLUES

Copyright © 2013 by Robert J. Sawyer.

Перевод *Т. Чаматы*
Дизайн *Е. Куликовой*

Сойер, Роберт.

С58 Блюз Красной планеты / Роберт Сойер ; [перевод с английского Т. Чаматы]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-177264-2

Александр Ломекс, единственный частный детектив на Марсе, работает в обществе незадачливых старателей, чиновников-колонистов, коррумпированных полицейских и богачей-трансферов, которые загружают свои разумы в бессмертные тела андроидов. Улики приводят его к старому делу об убийстве Вайнгартена и О'Райли и их сокровищам времен Великой марсианской лихорадки. Теперь под прицелом оказывается и сам детектив.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Т. Чамата, перевод на русский, 2025
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-177264-2

Посвящается Шерри Питерс

Искатели богатств земли
На многое идут под солнцем Марса;
Хранят те ржавые пески
Истории ужасного коварства.
Но не видал картин странней
Бассейн былых времён,
Чем ночь, когда под ликом двух светил
Был трансфер устранён.

Глава 1

ДВЕРЬ ОФИСА ОТВОРИЛАСЬ.

— Здравствуйте, — произнёс я, поднимаясь из кресла. — Я так понимаю, вы ко мне на девять часов.

Я говорил так, будто клиенты должны были прийти и в десять, и в одиннадцать, но нет. На Марсе царил экономический кризис, и даже у меня, единственного частного детектива на планете, уже месяц не было дел.

— Да, — раздался высокий женский голос. — Кассандра Уилкинс.

Я окинул взглядом её фигуру. Отличная работа; даже интересно, была ли она такой идеальной до трансфера. Обычно, заказывая сменные тела, люди старались хотя бы в общих чертах сохранять вид оригинала, но мало кто мог удержаться от доработок. Мужчины добавляли мышечной массы, женщины — изгибов в нужных местах, и абсолютно все изменяли лица, убирая асимметрию, морщины и прочие недостатки. Я бы и сам, доведись мне загрузиться в новое тело, убрал бы седину из светлых волос и сделал бы нос таким, каким он был до парочки переломов.

— Рад знакомству, мисс Уилкинс, — сказал я. — Я Александр Ломакс. Прошу, присаживайтесь.

Совсем крошка, не выше полутора метров ростом, она была одета в стильную серебристо-серую блузку и юбку, но не носила ни макияжа, ни украшений. Глядя на деликатные черты лица, я ожидал от неё плавных кошачьих движений, но она просто плюхнулась в кресло.

— Спасибо, — сказала она. — Надеюсь, вы сможете мне помочь, мистер Ломакс. Очень надеюсь.

Вместо того чтобы сесть самому, я подошёл к кофеварке. Налил кофе себе и предложил Кассандре — большинство искусственных тел поддерживали возможность приёма пищи как социальную функцию, — но она отказалась.

— И что же у вас случилось? — поинтересовался я, возвращаясь в кресло.

Считывать эмоции по лицам трансферов сложно: их мышечный каркас обычно отменный, но движения несколько скованны.

— Мой муж... ох, боже мой, мистер Ломакс, я даже говорить не хочу! — Она опустила взгляд на руки. — Мой муж... исчез.

Я приподнял брови; в Нью-Клондайке было чертовски сложно исчезнуть. Весь город накрыт куполом диаметром четыре километра и высотой всего двадцать метров у центральной опорной колонны.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Три дня назад.

Несмотря на небольшие размеры, в моём офисе было окно. Оно выходило на разрушающееся здание по соседству и одну из пологих арок, поддерживающих полупрозрачный купол. За его пределами бушевала пыльная буря, заслоняющая солнце рыжими облаками. Недостаток света компенсировали дополнительные огни арки, но на Марсе редко бывало по-настоящему ясно.

— Ваш муж, кх-м, такой же, как вы? — спросил я.

— О да. Мы оба прилетели сюда в поисках лучшей жизни, как и все остальные.

Я покачал головой:

— Я не про то. Он тоже трансфер?

— Ах, простите. Да. На самом деле мы загрузились совсем недавно.

— Это дорогая процедура, — заметил я. — Он точно не уклоняется от оплаты?

Кассандра помотала головой:

— Нет, нет. Джошуа ещё в самом начале нашёл парочку чудесных окаменелостей. На деньги от их продажи он купил

местный филиал «Нового Ты». Так мы и познакомились — когда мне надоело копать в земле, я устроилась туда в отдел продаж. В общем, в итоге нам удалось загрузиться по себестоимости, — рассказала она, заламывая искусственные руки. — Ах, мистер Ломакс, помогите мне, умоляю! Я не знаю, что буду делать без моего Джошуа!

— Вижу, вы его очень любите, — сказал я, глядя на её симпатичное личико не столько ради удовольствия, сколько чтобы оценить искренность ответа. В конце концов, люди часто сбегали от неприятностей в доме, но супруги редко говорили об этом открыто.

— О, конечно! — воскликнула Кассандра. — Не могу даже передать, как сильно. Джошуа чудесный, замечательный человек. — Она посмотрела на меня с мольбой: — Вы должны помочь мне его вернуть. Просто обязаны!

Я опустил взгляд на кофе; от чашки исходил пар.

— Вы обращались в полицию?

Смешок, который издала Кассандра, был сухим и шершавым, как марсианский песок.

— Да. Они... ох, мне бы так не хотелось говорить о них дурно, мистер Ломакс! Я не такая, поверьте, но... из песни слов не выкинешь, согласитесь? Они ничего не сделали. Ничегошеньки!

Я слегка кивнул; эта история стара как мир. Своим маломальским заработком я был в значительной степени обязан равнодушию, с которым полиция Нью-Клондайка относилась к большинству преступлений. Как частная организация, нанятая Говардом Слэпкоффом для защиты тридцати лет инвестиций, вложенных в строительство города, копы принимали символические усилия по поддержанию порядка, но на этом всё.

— С кем вы разговаривали?

— С... детективом, я полагаю? Он был в гражданском. Я забыла, как его звали.

— Как выглядел?

— Рыжий, с...

— Это Мак, — сказал я. Она уставилась на меня в изумлении, и я назвал его полное имя: — Дугал Маккрей.

— Маккрей, точно, — кивнула Кассандра. Она содрогнулась и, видимо, заметила моё удивление. — Извините, — сказала она. — Мне просто не понравилось, как он на меня смотрел.

Я удержался, чтобы самому не пробежаться взглядом по её телу; я и так помнил, что там увижу. Видимо, при переносе сознания она всё же изменила фигуру, иначе давно бы привыкла к восхищённым взглядам мужчин.

— Я поговорю с Маккреем, — пообещал я. — Узнаю, что уже было сделано. Подхватчу работу за копами.

— Правда? — Её зелёные глаза, казалось, танцевали. — О, спасибо вам, мистер Ломакс! Вы хороший человек — сразу видно!

Я передёрнул плечами.

— Две бывшие жены и полдюжины кредиторов с вами не согласятся.

— О нет, не говорите так! Вы правда хороший, уж я-то знаю. Поверьте, у меня на такое чутьё. Вы замечательный человек, вы меня точно не подведёте.

Наивная женщина; она, наверное, так же думала о своём муженьке, пока тот не сбежал.

— Итак, что вы можете рассказать мне о муже? Джошуа, правильно?

— Да, всё верно. Джошуа Коннор Уилкинс — именно Джошуа, а не Джош, спасибо большое.

Я кивнул. Опыт подсказывал, что парни, требующие называть их исключительно полным именем, щедростью не отличались и выпивкой не угощали. Может, и хорошо, что этот клоун пропал.

— Конечно, — сказал я. — Продолжайте.

Никаких записей я не делал. Рабочий компьютер — небольшой зелёный кубик на столе — записывал всё услышанное и извлекал полезную информацию в сводный файл.

Кассандра задумчиво прокатила искусственную губу между искусственными зубами.

— Что сказать, он родился в Вичите, в Канзасе, и сейчас ему тридцать восемь. Сюда он приехал семь марсолет назад. — Марсогоды, они же марсианские годы, примерно вдвое дольше земных.

— У вас есть его фотография?

— Могу найти. — Она указала на мою пыльную клавиатуру: — Позвольте?

Я кивнул, и Кассандра потянулась за ней. В процессе она умудрилась опрокинуть чашку, подписанную «Лучший детектив на планете», и пролить горячий кофе прямо на изящную руку. Она слабо вскрикнула от боли; я встал, схватил полотенце и принялся вытирать растекающуюся лужу.

— Удивлён, что вам больно, — заметил я. — Нет, конечно, я люблю кофе погорячее...

— Трансферы чувствуют боль, мистер Ломакс, — сказала она, — по той же причине, что и простые люди. Существом из плоти и крови нужна система, оповещающая о повреждениях; то же самое верно и для тех, кто загрузил свой разум в андроидов. Хотя, конечно, искусственные тела гораздо более долговечны.

— А.

— Простите. Я уже столько раз это объясняла — ну, вы знаете, на работе. Вы только простите, пожалуйста, за ваш стол.

Я пренебрежительно отмахнулся:

— Бумаг нет, и слава богу. Не волнуйтесь. — Я жестом указал на клавиатуру; к счастью, кофе не попал между клавишами: — Вы хотели найти фотографию?

— Да-да, точно. — Она произнесла несколько команд, и терминал ожил. Я успел задуматься, зачем ей понадобилась клавиатура, но потом она набрала длинный пароль; наверняка не хотела произносить при мне вслух. Она нахмурилась, несколько раз поправляя ошибки; произносить кодовые фразы было легко, а вот печатать, не привыкнув к клавиатуре, не очень — а чем больше людей заботила безопасность, тем длиннее пароли они использовали.

Она вошла в хранилище личных файлов и открыла фотографию мужа. Учитывая, какой красоткой была миссис Уилкинс, не-Джош-а-Джошуа оказался не таким, как я ожидал. Серыми холодными глазами, обритым под ноль черепом и тонким, почти безгубым ртом он напоминал скорее рептилию, чем человека.

— Это до, — сказал я. — А сейчас? Как он выглядит после трансфера?

— Хм, в целом так же.

— Серьёзно? — Будь у меня такое хлебало, я бы точно его изменил. — У вас есть фотографии после загрузки?

— Фотографий нет, — ответила Кассандра. — В конце концов, мы буквально только что прошли процедуру. Но я могу зайти в базу данных «Нового Ты» и показать план, по которому изготавливалось его лицо.

Она вновь обратилась к терминалу, ввела очередной длинный пароль, и вскоре на экране появилось графическое изображение головы Джошуа.

— И правда, — удивлённо произнёс я. — Он ни капли не изменился. Можете передать копию?

Она кивнула и парой голосовых команд перенесла нужные файлы в локальное хранилище.

— Отлично, — сказал я. — Мой гонорар — двести соларов в час плюс расходы.

— Хорошо, хорошо, конечно! Меня не волнуют деньги, мистер Ломакс, совсем не волнуют. Я просто хочу вернуть Джошуа. Умоляю, скажите, что вы его найдёте.

— Найду, — подтвердил я, улыбаясь своей самой обнадеживающей улыбкой. — Не беспокойтесь. Он не мог уйти далеко.

Глава 2

НА САМОМ ДЕЛЕ, КОНЕЧНО, ДЖОШУА УИЛКИНС МОГ УЙТИ ДАЛЕКО, ПОЭТОМУ ПЕРВЫМ ДЕЛОМ НУЖНО БЫЛО ИСКЛЮЧИТЬ ТАКУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ.

За последние двадцать дней Марс не покинуло ни единого корабля, значит, он не мог улететь с планеты. На юге находился огромный шлюз, через который звездолёты отправляли на работы в доке, но его не открывали уже с месяц. И хотя трансферы могли спокойно существовать на поверхности Марса, из купола вели всего четыре шлюзовых станции, и все они охранялись. Я прошёлся по ним, чтобы убедиться лично, но за последние три дня Нью-Клондайк покидали только обычные толпы незадачливых старателей, которых потом загнала обратно пыльная буря.

Я читал о периоде зарождения этого города: «Великая марсианская лихорадка», так его называли. Вайнгартен с О'Райли, частные исследователи, прилетевшие сюда за свой счёт, обнаружили на Марсе первые окаменелые ископаемые и сколотили на них состояние. Самые ценные и редкие находки всей Солнечной системы, они стоили дороже благородных металлов — настоящие доказательства внемозной жизни! Хорошие экземпляры размером с кулак уходили с молотка за десятки тысяч; отличные, с футбольный мяч, стоили миллионы. В мире, где синтезировать можно практически всё, включая алмазы и золото, подлинные останки марсианских пентаподов и ризоморфов стали лучшим показателем статуса.

Вайнгартен с О'Райли не уточняли, где именно нашли ископаемые, но быстро выяснилось, что впервые они сели

именно здесь, в бассейне равнины Исиды. За ними последовали другие охотники за сокровищами, а Говард Слэпкофф — миллиардер, основатель компании, которая совершила прорыв в области сканирования и загрузки сознания, — потратил львиную долю своего состояния на создание нашего города. Многие охотники, разжившиеся ископаемыми в первые дни, купили в Нью-Клондайке недвижимость. Для Слэпкоффа это было отличным вложением: продажа земли принесла ему втрое больше, чем он потратил на купол, а жители с тех пор исправно платили налоги на жизнеобеспечение. По крайней мере, биологические жители, но Слэппи и с деятельности «Нового Ты» получал жирненькие комиссионные, так что карманы набил себе славно.

Жизнь на Марсе, по-видимому, в своё время не смогла широко распространиться; единственная экосистема, существовавшая здесь, ограничивалась этим бассейном. Некоторые старатели — ах да, простите, охотники за ископаемыми, — приехавшие по следам экспедиции Вайнгартена и О'Райли, обнаружили несколько замечательных образцов, но состояние большинства находок оставляло желать лучшего.

Но где-то скрывалась золотая жила окаменелостей: пласт, известный как Альфа-залежь, где ископаемые сохранились даже лучше, чем на Земле в сланцах Бёрджесс. Вайнгартен с О'Райли знали, где он находится, — наткнулись на него, видимо, по чистой случайности. Но они оба погибли, когда тепловой щит отделился от корабля при входе в атмосферу Земли после третьей экспедиции, и за прошедшие двадцать марсолет Альфу так и не обнаружили. Однако поиски не прекращались.

Рынок переноса сознания существовал везде: потенциально бесконечная жизнь привлекала многих. Но здесь, на Марсе, спрос был особенно велик, поскольку андроиды могли проводить на поверхности недели и даже месяцы в поисках палеонтологического золота.

Как бы то ни было, не-Джош-а-Джошуа Уилкинс точно не сбежал за городские пределы и не улетел с планеты. Где бы

он ни скрывался, это был Нью-Клондайк. Не скажу, что мы дышали с ним одним воздухом, потому что он не дышал. Но он был поблизости. Оставалось только найти.

Мне не хотелось заново повторять усилий полиции, хотя «усилия» были очень уж щедрой формулировкой для деятельности наших констеблей; зная Мака, «символические попытки» ближе к истине.

Под куполом Нью-Клондайка пролегли двенадцать радиальных дорог, служащих улицами девяти концентрическим кольцам зданий. Все кольца располагались на равном расстоянии друг от друга, за исключением восьмого и седьмого — там в гигантском промежутке были размещены сельскохозяйственные поля, верфь, склады, водо- и воздухоочистные сооружения и ещё много чего. Мой офис находился прямо у купола, с внешней стороны Девятого кольца; я мог добраться до центра на антигравитационном трамвае, но предпочитал ходить пешком. Хороший детектив должен знать, что творится на улицах, а трамваи, пусть и обветшалые, проносятся слишком быстро для этого.

Когда я только приехал, то пошутил, что Нью-Клондайк нельзя назвать дырой — не таким уж он был захудалым. «Скорее, так, дырочкой», — сказал я. Но то было десять лет назад, сразу после Ванды, и уж если что-то среди огромной равнины и могло скатываться в бездну, так это Нью-Клондайк. Реголитовые улицы потрескались, здания — далеко не только в трущобах — осыпались, а вшивые бары и притоны были полны мошенников и бандитов, обездоленных и удручённых. Как говаривал персонаж одного из моих любимых фильмов: «Вы никогда не найдёте более жалкого скопления подонков и подлостей». На шлюзе в Нью-Клондайк должна висеть вывеска: «Город-побратим Мос-Эйсли с Татуина».

По пути я без зазрения совести глазел на подворачивающихся трансферов. Модели попадались самые разные — от изысканных, вроде Кассандры Уилкинс, до напоминающих Железного Дровосека из страны Оз. Последних заметить было легко, а вот первые иногда могли сойти за биологи-